

«Дело художника — рождать радость».

К. Паустовский.

# Молодость таланта

В ОДНОМ из последних рядов партера, почти на всех спектаклях театра имени М. Ю. Лермонтова, сидит высокий седой человек с внимательными глазами и сосредоточенно смотрит на сцену. Иногда по лицу его скользит добрая, удовлетворенная улыбка, иногда оно хмурится. А случается, взгляд затуманивается, влажные ресницы...

Человек этот не совсем обычный зритель. Вернее, он совсем не обычный зритель: Эрик Эдуардович Валентинов — главный художник театра.

Что же каждый вечер приводит его в зрительный зал? Только ли законный интерес — как воспринимается людьми его работа, только ли профессиональные заботы театрального «худесника», готового немедленно прийти на выручку, если, неровен час, что-то разладится в сложном механизме сценической иллюзии? Да, конечно, главный художник никогда не забывает об этом: пусть даже спектакль идет в тридцатый, сороковой, пятидесятый раз — ведь сегодняшние зрители смотрят его впервые...

Но есть еще и другое: страстная увлеченность искусством.

Казалось бы, ему ли — знатоку, мастеру, давно постигшему все тайны магии театра, — с таким волеизъявлением следить за происходящим на сцене, радоваться или огорчаться вместе с героями пьесы. Но вот ведь и радуется, и огорчается, чутко отзываясь на талантливо сыгранный эпизод, веря в подлинность правдиво выраженного переживания.

И может быть, именно эта вера, эта способность откликаться на чужое чувство, чужую мысль яснее всего говорят о нем самом как о художнике, приоткрывают доступ в его собственный творческий мир...

Бывает, возникшая однажды привязанность навсегда овладевает человеческим сердцем. Не слабее с годами, не покрываясь ржавчиной призрачки, она чудесно сохраняет первоначальную силу и свежесть. О человеке тогда говорят: однолюб.

Такой однолюб — художник Э. Валентинов. Более полувека назад в его жизнь вошел театр. И стал его страстью, его мечтой, его призванием.

Спросите Эрика Эдуардовича, как это началось, и он серьезно ответит:

— Да ведь как вам сказать, — в общем, очень просто. Мальчишкой случайно попал в театр Корша. Дазали «Проделки Скапена», Мольеровский спектакль. Вот с этого, собственно, и началось...

Можно себе представить, каким ошеломляющим событием оказалась для Эрика Валентинова (в ту пору воспитанника одного из московских сиротских приютов) первая встреча с «обыкновенным чудом» искусства, если и сегодня тот далекий вечер видится ему первой вехой на пути к главному делу всей жизни.

Так оно и было в действитель-

ности, потому что в сущности уже тогда он перестал быть «обычным» зрителем. Застенчивый, легко смущающийся подросток, проявил ту решимость, в которой без труда распознается скрытая до времени целеустремленность характера.

Он сумел преодолеть строгие запреты театральной администрации и стал своим человеком за кулисами. Старый машинист сцены, сам занятый театрал, понял и оценил пылкое увлечение Эрика. Они стали друзьями. Старик оберегал его от придилок начальства, обсуждал с ним достоинства и недостатки актерской игры, по-немножку подкармливал. А главное — охотно посвящал в секреты своего ремесла, даже разрешал выполнять кое-какие работы.

Потом это счастье кончилось. В бурном голодном 1918-м приют закрылся. Не было хлеба, разбежались воспитатели.

Эрику все же повезло: в Свердловске у него обнаружилась родственница, она забрала его к себе...

Эрику Валентинову повезло: в Свердловске у него обнаружилась родственница, она забрала его к себе... Эрику Валентинову повезло: в Свердловске у него обнаружилась родственница, она забрала его к себе... Эрику Валентинову повезло: в Свердловске у него обнаружилась родственница, она забрала его к себе...

Эрик делил сутки между студией и городским клубом коммунистов, где зарабатывал себе на жизнь и жил в отведенной ему комнатке за сценой.

В этом клубе произошел и тот знаменательный случай, которому суждено было стать еще одной, может быть, самой большой в те годы удачей Эрика Валентинова.

В 1923 году в Свердловск приехал А. В. Луначарский. Нарком просвещения остановился в клубе коммунистов. Как-то поздним вечером они встретились в пустом фойе. Нарком заинтересовался молодым декоратором, чьи работы уже успел заметить, знакомясь с клубом. Разговаривал с той свойственной по-настоящему большому людям доброжелательной простотой, которая позволила его скромному собеседнику высказать самое заветное.

— Что ж, присажайтесь в Москву, — сказал Луначарский. — По-моему учиться дальше.

Когда через год с комсомольским направлением в кармане Эрик Валентинов явился в наркомат, он, по правде говоря, не

очень рассчитывал, что будет узан. Но Луначарский узнал его и сдержал обещание. Молодой свердловчанин был принят в знаменитый тогда ВХУТЕМАС (Высшие государственные художественно-технические мастерские).

...Через три года после выпуска двадцатисемилетний Эрик Валентинов был уже главным художником Астраханского театра, а потом и некоторых других крупных театров страны...

В ТВОРЧЕСТВЕ Эрика Эдуардовича Валентинова привлекает многое: широта и точность видения, вкус и чувство меры, тонкая интуиция. Это позволяет ему никогда не повторяться, — для каждой новой постановки он находит ту драгоценную художественную «изюминку», которая придает спектаклю свежесть и нешаблонность высшего его облика. Иногда это какая-то одна — крупная, выразительная — деталь, иногда — целый комплекс глубоко продуманных, тщательно отобранных художественных и технических средств, крепко спаянных единством замысла.

Но как бы ни различались работы Э. Э. Валентинова по теме, стилю, принципам оформления, в них неизменно присутствует одна характерная особенность. Эта особенность — психологизм, человечность. Мир, созданный им на сцене, никогда не бывает только фоном событий пьесы, но всегда как бы и слепком внутренней жизни ее героев, овеянный отражением их чувств, мыслей, нравственной атмосферы. Театральные композиции художника становятся благодаря этому словозримым подтекстом человеческих драм и комедий.

Вспомните спектакль «Мария Тюдор», — тяжкую монументальность его архитектурных форм, подчеркнутую контрастность живописи. Все здесь сродни искусству гравюры с его лаконичной и резкой выразительностью. И все о главном: о людях, о жизни, которой они живут. Давящий камень тюремных сводов, уходящих в густую тьму — и беспопачно яркий свет, обнажающий высокомерную красочность дворцовой зальи... Зловещий сумрак уличных теснин — и тревожный, как зарезочного пожара, огненный цвет платья королевы... Крепостная замкнутость стен — и в раскрывшемся внезапно проеме — на фоне мутной рассветной синевы грозный силуэт древнего аббатства...

С какой силой воображения, с какой точностью знания воссоздан образ жестокой эпохи!

Другой спектакль, другая тема. «Город на заре», взволнованный рассказ о мужестве и героизме советской молодежи. Молодостью и чистотой овеяна эта театральная поэма о комсомольцах, первооткрывателях легендарного города юности на далекой сибирской реке.

...Первозданный простор, неоглядность далей, живое дыхание

величавой природы — это впечатление охватывает с той самой минуты, когда вместе с занавесом словно раздвигается и сама сцена. Не сразу отдаешь себе отчет, в чем художнический секрет изумительной картины, так волшебство преодолевшей границы сценической коробки.

Небо! Оно огромно. Оно живет в извечной игре света и облаков, в задумчивых красках закатов и торжествующем сиянии рассветов, рождая какое-то волнующее чувство сопричастности его могучему, свободному бытию. И пусть даже оно простирается еще не над прекрасным городом будущего, а пока лишь над бревенчатыми крышами таежных барачков, — все равно под ним широко расправляются крылья человеческой души. Он будет, этот город, словно говорит небо. Будет, как бы ни были трудны испытания, горьки потери. Потому, что нет на земле ничего могущественнее мечты, ведущей к подвигу.

Вот о чем рассказывал нам художник, создавший в спектакле незабываемый образ высокого неба...

Жизнеутверждающая нота звучит во всем творчестве Э. Валентинова. Звучит по-разному, но всегда отчетливо и верно.

«Дело, которому ты служишь». Инсценировка эта чрезвычайно трудна для сценического воплощения. Достаточно сказать, что в ней около тридцати картин. Но те, кто видел ее у лермонтовцев, вряд ли заметили это. Художник оригинально и смело решил сложную техническую задачу, ничего не проиграв при том в художественной выразительности спектакля. Скорее он даже выиграл, создав удивительно изящную в своей глубоко обдуманной простоте сценическую конструкцию.

Стены. Как выразительно они сыграли в «Марии Тюдор» свою роль мрачного символа средневековья, помогли воочию увидеть его тесный и душный мир. Но возможно ли добиться, чтобы они заговорили совсем иначе и совсем о другом? Оказывается, возможно, когда за дело берется талантливый художник, умеющий заставить вещи говорить чужим ему языком. И высокие, легкие, светлые стены, составляющие главное декорационное оснащение спектакля, заговорили языком доброй поэзии.

Куда бы ни приводило нас плавное движение сценической площадки, как бы ни были сложны, подчас трагичны, переживания главных героев, ни на минуту не теряется то внутреннее ощущение, которое сумел вызвать и до конца удержать художник: как же все-таки просторен большой дом нашей жизни, как много здесь воздуха, теплого света... И хотя порой недешево дается победа тем, кто борется, выполняя высокий долг — быть человеком среди людей, — они не могут не победить: они, а не их тупые, са-

монадеянные противники, настоящие хозяева здесь...

Так еще раз большим человеческим обобщением стала мысль художника, претворенная в образ...

3 А ПЛЕЧАМИ Эрика Эдуардовича Валентинова уже почти сорок лет самозабвенного творческого труда. И количество его театральных работ сегодня измеряется сотнями. Вероятно, были среди них и такие, которые теперь ему самому представляются «проходными». Но можно без риска ошибиться утверждать, что этих были единицы. Зато не было бы пересчитать другие, принесшие ему не только горячую признательность зрителей, но и официальное подтверждение успеха: дипломы, грамоты, благодарности. (К слову сказать, дипломом I степени отмечена и его работа в спектакле «Дело, которому ты служишь»). Макеты его декораций к «Борису Годунову» — юбилейному Пушкинскому спектаклю республиканского театра в Ташкенте — хранятся в пользующемся мировой известностью Вахрушинском музее в Москве...

Но как же трудна задача — беседовать с Эриком Эдуардовичем о его работах... Нет, не об успехах, — эту тему он сразу и категорически отвергает. Просто хотя бы о том, что он считает самым важным, когда готовится к очередной постановке.

— По-моему, задача всегда одна, — говорит он, искренно полагая, что дает исчерпывающий ответ, — не мешать, а помогать режиссеру, актерам...

Что ж, в узко профессиональном плане это, вероятно, так и есть. А если взглянуть шире? Если шире, то, конечно же, не только режиссеру и актерам помогает художник, но и тысячам зрителей, которым он дарит радость яснее видеть, глубже чувствовать... Ведь для этого, в конечном счете, и существует искусство.

Для нас, прежде всего для нас, сидящих в зрительном зале, для нас и ночами трудится он над бесчисленными эскизами, расчетами, макетами. Размышляет, ищет... Несмотря на огромные, разносторонние знания, подчас мучается, преодолевая сопротивление разнообразных технических и художественных элементов, которые должны, обязаны сложиться в гармоническое целое...

Во имя той же цели — сделать искусство доступным возможно большему числу людей — ведет он большую общественную работу, заметное место в которой занимает творческая помощь народной самодеятельности, заводским и сельским клубам.

На все ему хватает времени и сил — заслуженному художнику РСФСР, заслуженному деятелю искусств Чечено-Ингушетии — Эрику Эдуардовичу Валентинову, седому человеку с молодой душой...

Е. ПОЛОНСКАЯ.